

Он был один, и ничто не могло отвлечь его от настоящего ошеломления. Что-то темное и навязчивое разворачивалось в его груди, оно не имело никакого физического присутствия, но все равно как-то тяжело давило на легкие и сильно затрудняло дыхание. Он боролся с этим присутствием, с этой навязчивой магией, которая заставляла его видеть то, что он не хотел видеть, и оставляла отчетливый привкус смерти в горле, с того самого дня, как она проявилась.

Смерть, пытаясь иронизировать, велела ему очистить разум, а книги говорили совсем другое. Они предлагали не очищать разум, а просто успокоить его, смягчить всепоглощающие эмоции, которые вызывали у него каждая мысль и каждое воспоминание; такой способ был гораздо проще и, в конечном счёте, гораздо практичнее, чем попытка отказаться от всех мыслей. Но Гарри был существом страстным, он носил каждую свою эмоцию, как почетный знак на рукаве; он учился держать себя в руках, он уже не был угрюмым подростком, который мог использовать половое созревание и гормоны в качестве оправдания своих бурных настроений, но, Мерлин, это было трудно. Особенно в такие моменты, как сейчас, когда страх, гнев и растерянность сливались в один огромный клубок раздражения, из-за которого научиться мыслить и действовать логично становилось задачей невероятной сложности.

Он ударился головой о массивное дерево изголовья кровати один раз, потом ещё раз, потом ещё раз, надеясь, что резкая боль, расцветшая в основании черепа, надолго выведет его из оцепенения и позволит применить некоторые из тех приёмов, которым он сам себя учил. Меньше всего ему хотелось, чтобы дары, подаренные ему Дарами, начали действовать и ввергли его в безумную панику, подобную которой он видел лишь однажды в той тесной ванной комнате, когда эти волшебства впервые навязали ему себя. Это, несомненно, привлекло бы то самое внимание, которого он надеялся избежать.

Он положил руку на грудь, где магия была наиболее сконцентрирована, и надавил кончиками пальцев внутрь. Острые полумесяцы ногтей были направлены вверх, чтобы не резать кожу, но давление пальцев на неподатливую кость под ними вызывало странный дискомфорт. Теперь у него болела голова и щемило в груди, и присутствие этих двух отдельных ощущений отвлекло его внимание от паники, которой он был так близок к тому, чтобы поддаться. Как только ее интенсивность немного притупилась, он смог отогнать ее назад и прогнать, крепко зажмурившись, чтобы разобраться с ней позже. Или никогда. Он предпочел бы никогда.

Постепенно возвращаясь к контролю над своими эмоциями, он смог еще раз попытаться оценить свое положение. Шестидесят шесть лет (и девять месяцев) в прошлом, без денег, без друзей и без дороги домой. Это было ужасно, но, конечно, не так ужасно, как столкновение с василиском в двенадцатилетнем возрасте или с темным лордом в семнадцать лет, и из обеих передрыг он выбрался прекрасно. Или, по крайней мере, в основном из них. Ничего особенного в этом не было, лишь легкая заминка в той неразберихе, которой была его жизнь. Ему просто нужен был порядок, нужен был план, которому он мог бы следовать и который помог бы ему двигаться вперед. И начать нужно было с того, чтобы добраться до Штатов.

Он уже довольно хорошо умел перемещаться, но расстояние было слишком велико для прыжка, а в США он никогда раньше не бывал, поэтому не мог точно представить, где именно ему предстоит приземлиться. Порталы могли бы помочь, но их умела делать Гермиона, а не он, и хотя Министерство могло это сделать, требовались документы, удостоверяющие личность, и галлеоны, а ни того, ни другого у него не было. Конечно, существовали и маггловские средства передвижения, хотя он не был уверен насчёт самолётов, так как был совершенно уверен, что

сейчас они сильно отличаются от тех надёжных кораблей, которые он видел раз или два в своё время. Тогда - лодка, проверенная веками, и хотя, опять же, оставался небольшой вопрос отсутствия денег, простая чара разочарования позволила бы ему попробовать себя в роли безбилетника.

Лондонский порт находился совсем недалеко от Чаринг-Кросса - несколько часов пешком, но едва ли пятнадцать минут на рыцарском автобусе. На поездку ушли последние силы, но на следующее утро он первым сел в волшебный автобус и прибыл в порт еще до того, как все корабли начали сходить на берег.

Порт был огромен, он простирался на многие мили по обеим сторонам Темзы и принимал десятки судов, как пассажирских, так и грузовых. Лучше всего было бы спрятаться на пассажирском судне, ведь такие путешествия обычно длятся несколько дней, а то и недель, и он не хотел провести все это время под действием разочаровывающих чар. Если же ему удастся пробраться на корабль с большим количеством пассажиров, то он без проблем сможет слиться с ними, и его присутствие на борту, скорее всего, не вызовет вопросов.

Немного побродив по витринам, он наткнулся на корабль "Орион" (RMS Orion), впечатляющего размера, с такой же огромной толпой, ожидающей посадки на корабль, - в такой толпе было бы невероятно легко затеряться. По расписанию корабль должен был отплыть с острова Эллис в Нью-Йорке менее чем через три часа, по прогнозам путешествие должно было занять девять дней. Гарри никогда не был на корабле такого размера, тем более в таком длительном путешествии, но он не испытывал никаких проблем с полётом, даже не будучи связанным и незащищённым на метле, и покачаться на волнах в довольно безопасном океанском лайнере было сущим пустяком.

И это было не так: само путешествие было достаточно сносным, Гарри без проблем пробрался на корабль и легко влился в группу пассажиров второго класса. Все девять дней в море он держался сам по себе, разговаривая только при непосредственном обращении, а в остальном вел себя как идеальный затворник, которым он и собирался стать.

При первом же виде знаменитой Статуи Свободы все на корабле заволновались. Они столпились у перил корабля, прижавшись плечом к плечу и спиной к груди, чтобы наблюдать за тем, как корабль скользит в направлении их нового дома.

Сначала корабль причалил к Манхэттену, и тех пассажиров первого и второго классов, которых медицинские инспекторы признали здоровыми, сразу же выпустили, а пассажирам третьего класса и тем, кто не прошел первичную проверку, предстояло сделать последнюю остановку на острове Эллис, прежде чем будет решено, станут ли они гражданами США или будут депортированы обратно в те края, откуда они пытались бежать. Гарри, в очередной раз наложив на себя амулет разочарования и "не замечай меня", пробрался к первой группе, и все вместе они сошли с корабля и со вздохом облегчения ступили на твердую землю.

Гарри ни разу не покидал пределов Соединённого Королевства, и никогда он не отправлялся куда-либо, не имея за душой почти ничего. Ни денег, ни дома, ни одежды - все это пугало, но долгая поездка на корабле, упакованном, как сардины, в каюте с дюжиной других мужчин,

помогла ему понять, что, возможно, это тоже может стать поводом для волнения. Гарри не собирался задерживаться здесь надолго, и уж точно не на шестьдесят шесть лет, которые он нечаянно преодолел; он решил найти способ добраться до того времени, на которое он изначально рассчитывал, - декабря две тысячи седьмого года. Без Гермионы, помогающей в исследованиях, это было бы весьма непросто, но Гарри не мог постоянно полагаться на свою подругу, и сейчас было самое подходящее время для того, чтобы научиться стоять на ногах. Поэтому он сбросил чары, сжал челюсти и шагнул в город.

<http://tl.rulate.ru/book/98824/3361006>